

**О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА
В ПЬЕСЕ К. С. АКСАКОВА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ В 1612 ГОДУ»**

В статье рассматривается особый подход К. С. Аксакова к истории русского народа, основанный на идеях славянофильства и нашедший свое отражение в его пьесе. При этом показывается, что основное место в художественной практике славянофилов занимает интерпретация явления, события, героя в строго заданном русле и утверждение такого понимания как единственно верного.

Пьеса К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» в контексте исследуемой проблемы представляет безусловный интерес как опыт «русской драмы»¹.

В собственно славянофильской пьесе все так или иначе сопрягается с проблемой русского национального характера. Л. Н. Толстой полагал, что «славянофильство — мысль политическая, национальная (народная), а никак не религиозная в ее основе. Православие значительно для славянофилов, потому что большинство славян его исповедует»². Современная исследовательница славянофильской драмы подчеркивает: «Оригинальность, отличие исторической драмы К. Аксакова от множества других пьес на ту же тему целиком обусловлены его воззрениями на русскую историю, славянофильскими понятиями о народе, земском начале, русском национальном характере»³.

Уже самый подход к истории нации у Аксакова являл в русской историософии нечто новое. В статье «О русской истории» он упрекает отечественных историков, подходивших к русской истории, по его мнению, с западными мерками. Патриоты на западный лад пытались найти в русской истории западных героев, западные подвиги, но в результате этого история только обезобразивалась и искажалась. На самом же деле русская история есть внутренняя история рус-

ской земли, народа. По Аксакову, «русский народ не любит становиться в красивые позы; в его истории вы не встретите ни одного яркого наряда, каким поражает и увлекает вас история Запада; личность в русской истории играет во все не большую роль; принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты его — и нет у нас. Нет рыцарства с его кровавыми доблестями, ни бесчеловечной религиозной пропаганды, ни крестовых походов, ни вообще этого беспрестанного щегольского драматизма страстей. Русская история — явление совсем иное»⁴. И чуть ниже автором констатируется: «История русского народа есть единственная во всем мире история народа христианского не только по исповеданию, но по жизни, по крайней мере, по стремлению своей жизни»⁵.

К. Аксаков, так же как и И. Киреевский, и А. Хомяков, полагает самым интересным в истории России период Смуты, период междуцарствия. Именно в это время, по мнению драматурга, природа русского характера эксплицировала свои лучшие ведущие качества.

Вот как понимает это время К. Аксаков в статье «По поводу 8 тома истории России, г. Соловьева»: «... престол был празден, а вокруг него теснились разные претенденты, и шла страшная тревога и смятение... Посреди этих тревог и коле-

баний, множа вокруг себя волнение и смуту, бродили имена по России (как выразился Оболенский). Явилась целая семья призраков из Московского царственного рода... Все почти люди разделились на партии, и каждая партия тянула к себе. Что было делать России? Не естественнее ли, казалось, принять сторону одной из партий, уже определенной, даже организованной, уже имевшей силу, — присоединиться к ней, чтобы одолеть остальные, а потом, может быть, и против нее обратиться? Но это была бы уступка, было бы не исполненное веры, не правое, не светлое дело: и Россия не пошла этою дорогою... Пожарский с Мининым стали против всех врагов, сколько их было, стали лишь за правое, за святое дело Земли русской. Сам Пожарский о себе не думал, себя не выставлял, не красовался, а думал только о земском деле. В это время междуцарствия Россия одержала победу во внутренней борьбе»⁶.

В своей же пьесе «Освобождение Москвы в 1612 году» К. Аксаков стремился, насколько позволял ему талант, изобразить русскую историю и русского человека периода Смуты в соответствии со славянофильской доктриной. Так, в предисловии к драме он делится своим предположением, что «...вообще изящное произведение историческое (драма ли, повесть ли), должно быть художественным пониманием истории, в известную ее минуту»⁷ и что, хоть и допустимы отдельные частные неточности, но дух и значение времени должны быть переданы верно.

Вообще, для Аксакова историческая точность в пьесе принципиально важна — в примечании он специально подчеркивает, что в драму включены подлинные исторические документы. Тут налицо принципиальное отличие от эстетики романтизма, романтического историзма.

Если так можно выразиться, здесь созревает своеобразная эстетика славянофильского реализма, все же не только достаточно далекая от классического реализма, но и принципиально противопоставленная ему. Если в основе русского классического реализма лежит анализ, исследовательское начало, то в эстетике и, как увидим позже, в художественной практике славянофилов, — интерпретация явления, события, героя в строго заданном русле и в какой-то мере утверждение такого понимания как единственно верного.

Это проявляется и в изображении народа. Вообще, большая заслуга славянофилов состоит в том, что они сделали очень многое для перелома общественного мнения в отношении к народу. В нем они видели не только хранителя национальных особенностей, что само по себе было для славянофилов безусловно важным, но и нечто большее. В 1857 году в газете «Молва» К. Аксаков пропел целый гимн народу: «Простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества, источник внутренней силы и жизни, и, наконец, мысль всей страны пребывают в простом народе...»⁸.

Характерно, что в перечне действующих лиц пьесы «Освобождение Москвы в 1612 году» представлен и народ как отдельное действующее лицо. (Скажем, у Хомякова в «Димитрии Самозванце» народ в перечень действующих лиц не включен.) Причем, народ в драме выступает в двух ипостасях: как отдельное лицо и как выражающий себя в голосах Андрея, Ивана, Антона, Ермила, Елизара, Еремея, Елисея, Прохора. Последние в перечне действующих лиц не заявлены. Они являют собой как бы интеллектуальную элиту крестьянства, думающую по-славянофильски. Они кон-

статируют, анализируют, делают выводы, дают нравственную оценку происходящему, выдвигают предложения, формулируют новые цели и задачи. Показательно, что другими персонажами они воспринимаются как народ. Во 2-м явлении 1-го действия именно про них сказано Шереметевым: «Народ-то все собирается», а затем — Куракиным: «Да и поглядывает не весело...» (с. 11).

В принципе, эти люди из народа ничем друг от друга не отличаются. К. Аксаков с не меньшим успехом мог бы обозначить по-хомяковски: первый голос, второй, третий и так далее. Но этого нет. Вероятно, обозначение этих голосов исконно русскими именами могло преследовать и другую цель: так или иначе способствовать воссозданию колорита эпохи Смутного времени. Самые имена, подобранные Аксаковым, — Еремей, Елизар, Ермил и другие — в какой-то степени, безусловно, содействуют этой задаче.

Схожесть, принципиальная неотличимость этих персонажей обусловлена и другими факторами. Во-первых, по мнению славянофилов, у подлинно русского человека не должно быть четко выраженного личностного начала; во-вторых, народ должен являть собой известную целостность и потому думать и говорить люди из народа должны как бы в одном духе и направлении; наконец, в-третьих, в обозначенных нами двух ипостасях народа в пьесе выражено и так называемое хоровое начало. Драма построена следующим образом: происходит или намечается какое-либо событие, персонажи, составляющие народ, — Иваны, Андреи, Ермилы и т. д. — обсуждают это событие, дают ему оценку. Реплика же *народа* как действующего лица хором подтверждает сказанное. При этом чаще всего реплики *народа* просты, умещаются в одной фразе и, как прави-

ло, заключают явление, то есть согласная мысль, утвержденная народом, является самой важной, верной и дальнейшему обсуждению не подлежит.

К. Аксаков именно в хоровом начале пьесы видел особенность русской драмы: «Уверен я, что русская драма может быть только в русском духе, а не иначе. Сама драма, уже после того, как я написал ее, открыла мне много для русского искусства. Так я вижу, что в ней есть хор, элемент греческой драмы, с которою русское только и может иметь сходство. Хор и есть начало русской жизни»⁹.

М. Ю. Карушева, уделившая много внимания религиозным мотивам славянофильской драмы, обнаруживает сходство аксаковского хора не только с древнегреческим, но и с церковным хором: «Перекличка людей из народа в пьесе К. Аксакова, которые обмениваются мыслями, тождественными по внутренней сущности, говорит об одном, но в разной форме, с различными оттенками, взаимно дополняя друг друга, близка к церковному стихословию, «противогласникам», известным в православной литургии под названием антифонов»¹⁰.

Мыслят, выражаются персонажи из народа — как сами славянофилы. Так, Елисей говорит о Ляпунове: «Ну знаете. Так Прокофий Петрович подымается со мною землею под Москву нам на вырубку, чтобы всех долой, и ляхов, и шведов, и Маринку с сыном — всех; землю очистить и своего царя всю землею выбрать» (с. 6) (подчеркнуто мною — И. Ю.).

Причем, и для *народа* как единого лица, и для отдельных представителей народа характерно обилие славянофильской терминологии.

Однако народ не только говорит, рассуждает, оценивает, но и действует. Так

в X явлении 1-го действия в первой стычке с поляками участвует именно народ, участвует по собственной инициативе, которая вдохновляется стремлением сохранить чувство собственного достоинства на своей земле: «С нашей площади, да нас же и гонят. А! Каковы!» (с. 34). Непосредственно стычке предшествуют взаимные словесные оскорбления: «москалы проклятые», «пучки», «ляхи безмозглые». Характерно, что один из поляков, указывая на народ, произносит: «Вон он, стоголовый зверь», невольно признавая тем самым грозную силу народа, его единство.

Десятое явление завершается всеобщим возбуждением русского люда, поскольку состоявшаяся стычка позволила вырваться наружу чувствам и стремлениям народа, давно зревшим в нем и не находившим доселе прямого выхода:

Ермил. *Что там? Шум, схватка!*

Елизар. *Наши дерутся с ляхами.*

Ермил. *Видно, пришло стать за землю Русскую и за Веру православную. (Бежит.)*

Елизар. *За Веру православную, за землю Русскую! (Бежит; обратившись молодому малому, бегущему за ним.) *Вели ударить в набат* (с. 35) (все подчеркнуто мною. — И. Ю.).*

Этот накал патриотического подъема в течение всей пьесы уже не понижается. В конце XV явления вновь читаем:

Елизар. *Братья! Пришло время стать за землю русскую, за веру православную, за побиенных братьев наших, за стыд и плен земли нашей — против неверных врагов, а паче русских изменников. Вон они, братья наши, лежат сердечные, побитые. — Церкви наши разорены, и Вера православная, и вся земля Русская; за них мы ляжем или спасем*

их, братья. — Бог умилосердится над нами. Бог благословит нас. Ну, мешкать нечего. С Богом, народ, за правое дело!

Народ. *С Богом, за правое дело! (Бежит на битву.)* (с. 40) (все подчеркнуто мною. — И. Ю.).

Народу в пьесе принадлежит ведущая композиционная роль. Именно вокруг него группируются позитивно окрашенные образы, именно в соотношении с народом те или иные персонажи получают статус положительного или отрицательного героя. Но этого мало. Именно в народе, по Аксакову, заключены лучшие черты национального характера.

Подобно А. С. Хомякову, полагавшему, что понятие «дух жизни» есть нечто весьма трудноуловимое и труднопередаваемое, К. Аксаков в своих рассуждениях о народности солидаризируется со своим соратником: «Народность это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь. И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная, все принимает участие в этой силе»¹¹.

Понятно, что в данном случае никак нельзя отождествлять понятие «народность» и «национальный характер», но известное представление об аксаковском понимании природы последнего эта цитата, очевидно, все же дает. В русском национальном характере К. Аксаков выдвигал три доминирующие черты: «...духовные сокровища его (народа. — И. Ю.) — терпение, простота, смирение»¹².

Легко увидеть, что все эти свойства производны от христианской основы. В статье «О древнем быте славян вообще и русских в особенности, на основании обычаев, преданий, поверий, песен» Аксаков доводит связь русского и христианского начал до предела: «Христианин и русский стали одним словом»¹³. На

возникающий вопрос, что же тогда другие христианские народы, Аксаков дает ответ в статье «Об основных началах русской истории»: «Но пути эти (России и Запада. — *И. Ю.*) стали еще различнее, когда важнейший вопрос для человечества присоединяется к ним: вопрос Веры. Благодать сошла на Русь. Православная Вера была принята ею. Запад пошел по дороге католицизма. Страшно в таком деле говорить свое мнение; но если мы не ошибаемся, то скажем, что по заслугам дался и истинный, дался и ложный путь Веры, — первый Руси, второй Западу»¹⁴.

По Аксакову, начало начал русского человека есть Православная Вера. Под Святой Русью русский человек понимает Веру Православную. Но народность здесь не исчезает. Разве не народ русский стал на такую высокую степень! Разве не он явил такое глубокое понимание Веры?! Именно русский человек поставил христианскую веру главным основанием всего в жизни. В пьесе «Освобождение Москвы в 1612 году» драматургом подчеркивается неразрывность русского и православного начал. Это, что называется, вошло в плоть и кровь русского человека, в его обиход. Формула «за Веру Православную и Русскую землю» рефреном проходит через всю драму. Принципиально важно для славянофилов, что народ в бедах Смутного времени, в том, что «уж сколько лет нет ни мира, ни тишины» (с. 102), винит только себя: «Посетил нас Господь смуту за грехи наши» (с. 87).

Духовная связь русского народа и Православной Веры не могла не отразиться на национальном характере. В христианской триаде «терпение, простота, смирение» в славянофильской концепции ведущее место занимает смирение. Еще в 1910 году Н. Л. Бродский писал: «исходя из христианской точки зре-

ния, славянофилы и пытались найти в русском народе такие свойства, которые бы благоприятствовали развитию христианских начал, а в русской истории — такие особенности, благодаря которым Россия могла бы возвыситься над другими народами... Смирение — вот основное свойство русского человека, вот та первооснова народной души, что влечет к подвигу, что отграничивает нас от европейца, привыкшего к позе, всякого рода эффектам, фразе...»¹⁵. Современная исследовательница, активно занимающаяся славянофильской проблематикой, солидаризируясь с тем, что для славянофилов важно было прежде всего исследование природы духовного бытия русского народа, тем не менее отвергает мысль о некоем волюнтаризме и искусственном характере избрания Хомяковым, братьями Киреевскими и Аксаковым понятия «смирения» в качестве основного свойства русского человека, и, напротив, подчеркивает закономерность, объективность и выстраданность этого процесса: «Антииндивидуализм, «хор» формировались объективно, исторически; смирение становилось своеобразной идеологемой, категорией, осознанно сбереженной, выношенной русской историей и теоретически обоснованной славянофилами; не случайно они более всего оперировали ею в 50-е годы, когда славянофильская теория вполне сложилась»¹⁶.

В пьесе «смирение» проявилось главным образом в том, что русская земля не приемлет гордости, личностного начала, что связано прежде всего с образом Прокофия Ляпунова. Уже в первом явлении первого действия читатель слышит об этом человеке, на которого возлагаются первоначальные надежды русских людей. Первую характеристику дают ему враги. Поляк Гонсевский рисует былинный портрет Ляпунова: «Ес-

ли б, боярин, нам от Ляпунова избавиться? Он ведь только нам и страшен, а за то и страшен сильно, и ведет всех мощно. В битве я мало видал таких: как перед кораблем волны, так перед ним все и расступаются. Голос зычный, по всему полю слышен; сам впереди, стелет наших, как траву, ну а за ним и все. Трудно. Неужто он нас одолеет?» (с. 47). Салтыков же его обнадеживает: «Не тревожься, пан, не ему одолеть. Высок вырос больно. Видок стал. Ну, а этак-то труднее. Видишь какой! Ляпунов, да Ляпунов, то и дело слышно» (с. 47).

Салтыков, хорошо знающий русскую землю, понимает, что они будут одолены, но одолены не Ляпуновым. Гордая и яркая личность слишком диссонирует с русским миром, она выпадает из него в силу своей неудержимой личности, она становится уязвимой. Боярин Измайлов, разделяющий освободительный порыв Ляпунова, все же признает: «Воитель Ляпунов, нечего сказать, а не в меру горд...» (с. 55). Боярам трудно удерживать раздражение от того, что в приемной Ляпунова им приходится ждать гораздо дольше, чем в приемной у царей. Более того, Ляпунова, устами того же Измайлова, упрекают за то, что он нарушает один из основополагающих постулатов христианства: «Эх, Прокофий Петрович: не осуждай, да не осужден будешь. — Ну чего тут переругиваться, чего тут разбирать, кто худ, кто хорош? Дело не в том; дело у нас великое на плечах» (с. 60).

Пусть речь Ляпунова пронизана патристическим пафосом, пусть она изобилует славянофильскими концептами — *Святая Русь, Вера Православная, земля русская, братья и сродники по христовой вере*; пусть он упрекает в гордости бояр, восхваляет «смирненного духом» Пожарского, призывает «схватиться с ляхами и русскими ворами», все же ему

не дано освободить Русь, поскольку одной даже гигантской личности это не под силу. Необходимо, чтобы поднялась вся земля. Не случайно Измайлов констатирует: «Пал великий воитель (Ляпунов. — *И. Ю.*) за веру православную и землю русскую, — да все же он не вся русская земля» (с. 86).

А народ чуть позже подтверждает этот вывод:

Антон. *Вот времена какие тяжкие. — Собрались, было, пошли, было, стали, было, за Веру Православную и землю русскую, и встала смута горше прежнего.*

Иван. *А может и спасенье за то сильнее прежнего придет; кто знает? Что нет Ляпунова, — так ведь не одним человеком вся Русь держится»* (с. 105).

Здесь хорошо видно, что, в отличие от западников, противопоставляющих национальное главным образом общечеловеческому, славянофилы противопоставляют национальное личностному началу.

В противоположность Ляпунову «смирненным духом» одарен Дмитрий Михайлович Пожарский. Именно его призывает народ в труднейшую минуту.

Антон. *...Уж кому, как не ему быть нашим воеводою. Бога он боится, за крестное целованье свое стоит, души своей не ломал, за правое дело стоит и радуется...*

Ермил. *Человек он духом смиренный.*

Иван. *Незлобивый.*

Семен. *Чист перед Богом, прав перед людьми.*

Козьма. *Есть в нем и разум и храбрость* (с. 109–110).

Характерно, что русского человека, по Аксакову, даже в военачальнике ин-

тересуют более нравственные достоинства, нежели профессиональные, воинские качества. И Пожарский, и Минин без всякого красования, *смиренно и просто* принимают возложенную на них народом миссию и полагаются только на помощь Бога. Пожарский говорит:

Нельзя мне земской воли не слушаться, а я бы за это дело не принял. Ну да на Бога полагаю надежду свою. — Он укрепит меня (с. 120). «Князь! уповай на Бога», — призывает Пожарского и Минин (с. 141).

Собственно, *простота*, как и *терпение*, не теряя своей автономности, выступают в известном смысле производными от первоосновы — *смирения*. Простота, по глубокому убеждению К. Аксакова, — одно из духовных сокровищ русского народа. В статье «О русской истории» читаем: «Скажем здесь кстати о русском народе, что до христианства он был уже добрая почва, и что слово Божие, упавшее на него, как на добрую почву, возросло во благе. Поэтому (согласно и с духом русского народа, согласно и с вечными началами Веры, которыми, по благодати Божией, был он просветлен) исполнена такой глубокой простоты русская история; поэтому не встретите вы в ней ни одной красивой лжи, которая заставляет человека любоваться собою в своем собственном порыве, говорить фразы, щеголять нарядом тела и души. В русском мире нет ничего гордого, ничего блестящего, ни единого эффекта. Все просто»¹⁷. Просты прежде всего простые русские люди — Антоны, Елизары, Елисей и другие — в том, как они принимают беду, как разделяют общее горе, как переживают Смутное время, как собирают силу для освобождения Москвы, как встречают ее освобождение. Просты люди, близкие к духу народа, подобные Минину и Пожарскому.

Наконец, третья черта русского характера, составляющая духовное сокровище русского народа, *терпение*, также находит свое выражение в пьесе. Мотив терпения пронизывает всю драму, что далеко не случайно, поскольку именно это свойство помогает русскому человеку перенести все тяготы, выпадавшие и выпадающие в его истории. Так, уже в первом явлении первого действия этот мотив четко обозначен:

Народ. *Станем, как один человек! Ляжем за веру православную и землю русскую...*

Ермил. *Погодимте еще; посмотрим, что будет. Ляпунов подходит, потерпим и разом грянем на поляков...*

Иван. *...потерпим немного и дружно нападём.*

Елисей. *Потерпим, отложим; от святого дела не отказываемся;*

Потерпим только.

Андрей. *Покуда есть терпенье.*

Елизар. *Да надолго ли его станет?*

Елисей. *На сколько станет* (с. 9–10) (Все подчеркнуто мною. — И. Ю.).

Этот русский мотив терпения присущ только тем, кто входит в русский мир. В речах бояр Шереметева, Мстиславского, Куракина, людей, сомневающихся в возможности и целесообразности борьбы за полное освобождение Москвы, лексему «терпенье», как, впрочем, и другие славянофильские концепты, не встретишь. А вот в репликах бояр, разделяющих заветные цели русского мира, этот славянофильский концепт органичен:

Голицын. *...пока за дело он (Ляпунов. — И. Ю.) стоять будет, так мы как-нибудь перетерпим.*

Толстой, усмехаясь. *Чего другого, а терпенье у русского человека довольно.*

Голицын. *Претерпевший до конца, тот спасен будет.*

Измайлов. *Терпенье терпенью рознь, да и конец ему бывает. Свои обиды терпи, а обиду Вере православной и земли Русской — терпеть грех* (с. 55–56).

Принадлежность русскому делу Ляпунова также по-своему выражается в реплике: «*Ах, святая Русь, сколько горя ты терпишь!*» (с. 79).

Так представлены в пьесе три аксаковские доминанты русского национального характера, три духовных сокровища русского народа. Доминирующее положение этих свойств обусловлено христианской сутью русского человека. Но христианская натура русского человека, ведущая роль именно этих христианских свойств (терпения, простоты, смирения), в свою очередь, обусловили возникновение оригинальной, русской по сути системы отношений народа и власти, учреждений и институтов, регламентирующих повседневную жизнь русского человека. И этот значительный пласт славянофильской концепции находит свое выражение в драме. Система отношений народа и власти заключена в теории Земли и Государства.

Под Землю у славянофилов понимается народ, под Государством — власть. Земля призвала к себе Государство на защиту. Отношение Земли и Государства легло в основание русской истории. Если западные люди, согласуясь со своей природой, «...поверили в возможность правительственного совершенства, наделали республик, настроили конституций всех родов, развили в себе и тщеславие власти мира сего, и обеднели душою, утратили веру...», то на Руси устанавливается союз народа со властью, властью монархической. «Только власть монарха, — продолжает К. Акса-

ков, — власть неограниченная. Только при неограниченной власти монархический народ может отделить от себя государство и избавить себя от всякого участия в правительстве, от всякого политического значения, предоставив себе жизнь нравственно-общественную. Такое монархическое правительство и поставил себе народ русский»¹⁸.

Впоследствии мысль о том, что русские люди сторонятся власти, как чего-то грязного и пагубного, передоверяя это дело Государству, разделяли Л. Н. Толстой и В. В. Розанов. Очевидно, у Аксакова, как и у Хомякова, проблема национального характера имеет несомненный политический аспект.

Естественно, в эпоху Смуты соотношение Земли и Государства меняется. Государство разрушено. «Земля, лишенная всех выгод и удобств внешнего устройства, разрозненная наружно, но имеющая за собою преимущество внутреннего единства и сильнейшую всех сил силу духа, — поднялась, как один человек, и пошла на врагов... Совершив подвиг свой, вызвавший ее на попрание грубой силы, Земля вновь поставила Государство, и вновь обратилась в свою область деятельности духовной и бытовой, область мысли и жизни»¹⁹. Поэтому не случайно в пьесе речь идет главным образом о Земле, потому что в период Смуты, в период безгосударственности вся тяжесть упорядочения жизни падает на нее. Именно в период Смуты русская Земля, может быть, впервые так остро осознает, что ей нужен русский государь. Царь «латынец» сейчас неприемлем.

Елисей. *Владеют нами ляхи, гибнет русская земля!*

Народ. *Горе.*

Ермил. *То-то, дети; говорил я, не выбирать иноземца. Ну какое добро от царя иноземца, будь он лях, швед*

или немец? Ну как ему русского человека знать и русской землей править? Ну что за царь русской земли — иноземец? С ним горе будет русской земле» (с. 8).

«Ляхи в Кремле», «Ляхи в стрелецком Приказе», «Ляхи у пушек на стенах». Неслучайно народ говорит, что «владеют нами ляхи». Это означает, что мы несвободны, что мы у себя дома не хозяева. Слово «владеть» в данном контексте для К. Аксакова очень значимо, он почерпнул его из русских летописей. Так, в статье «Несколько слов о русской истории, возбужденных историею г. Соловьева», читаем: «Славяне изгнали варягов за море и начали сами владеть в себе или у себя, между собою, и «почаща сами в собиь володѣти», — говорит летопись; слова очень важные; прежде славяне не владели в себе, вовсе не было владения в них»²⁰. Теперь же вновь нужно «владеть у себя». Для этого же нужно изгнать врагов и избрать русского государем:

Иван. *Выбрать русского?*

Елисей. *Русского.*

Народ. *Вот это дело! (с. 6).*

Символично и название пьесы в славянофильском контексте. Значение Москвы как собирательницы и объединительницы русских земель для Аксакова непреходяще. В одном из своих стихотворений он выражает даже упрек другим городам, расцвет которых пришелся на более ранние исторические сроки, в том, что им не удалось объединить Россию. При этом Москва интерпретируется им как владычица земли, но не как власть над землей, а ее, Земли, власть. Поэтому заглавие драмы «Освобождение Москвы в 1612 году» тождественно «Освобождению России в 1612 году»,

хотя известные коннотации, безусловно, присутствуют.

Москва дает название всей стране — Московская Русь. Вся Русь воспринимается как одна большая община. Община — еще один важнейший концепт славянофильской теории, также обусловленный особой христианской природой русского человека. Община органично вытекает из истории русского народа и соответствует его исконным началам.

Вот как понимает общину в «Кратком историческом очерке земских соборов» К. Аксаков: «Община есть союз людей, отказывающихся от своего эгоизма, от личности своей, и являющих общее их согласие: Это действие любви, высокое действие христианское... Община представляет таким образом нравственный хор, и как в хоре не теряется голос, но, подчиняясь общему строю, слышится в согласии всех голосов: так и в общине не теряется личность, но, отказываясь от своей исключительности для согласия общего, она находит себя в высшем очищенном виде, в согласии равномерно самоотверженных личностей; ...община — торжество духа человеческого»²¹.

Далее Аксаков сообщает, что выражением деятельности общины является совещание (вече, сходка, собор, дума), целью которого является общее согласие, «...пока, говоря словами летописи, не снудутся в любовь; отсюда вытекает начало единогласия при решениях общины, начало славянское, от первых времен и доселе свято хранимое русским народом!»²².

Знаменательно, что композиционно вся драма построена на приеме соборности (хорового начала). Во всех сценах, где действует народ, — а во всех действиях это ключевые сцены — звучат поначалу разные голоса, но согласно думающие, устремленные к одной цели, а финал всегда заключает итоговая репли-

ка народа, выражающая общее согласие. Т. И. Благова отдает приоритет Хомякову в образовании неологизма «соборность» и приводит афористическое разъяснение его славянофилами: «Идея единства во множестве»²³.

Прекрасную, поэтичную, пусть и несколько идеализированную картину Земского Собора как народного праздника, К. Аксаков нарисовал в стихотворении «Сон». (Иван Аксаков в примечании к этому стихотворению сообщает, что оно было написано в период усиленных занятий Константина русскими историческими летописями, актами и грамотами).

*Одежды родные, и разум очей,
И древние сильные лица!
На площади много народа стоит,
На вольном широком просторе;
Волнуясь, как море, народ говорит,
Шумят его речи, как море.
Он видит, он слышит — восторженный взор,
Восторженный слух, весь — вниманье!
Он видит Великий Народный Собор,
Он слышит его совещанье!*²⁴.

Апофеозом соборного начала в пьесе Аксакова выступают эпизоды переключки городов. Первый раз — когда приветствуется всеми инициатива нижегородцев в деле спасения Отечества, и во второй — в финале драмы, когда Земля освободила Москву:

Стрельцы начинают свою переключку:

Первый. *Славен город Москва!*

Второй. *Славен город Киев!* (с. 212).
И далее при опускающемся занавесе звучат голоса Владимира, Суздаля, Ростова, Смоленска и Новгорода.

А. С. Хомяков в «Письме об Англии», объясняя суть торизма, приводит пример из русской старины: «Вспомним истинно-поэтическое окончание прекрасной драмы К. С. Аксакова, переключку

стрельцов: «Славен город Москва, славен город Владимир» и т. д. Это хвала русских городов, звучащая в темноте, на стенах Кремля, вокруг жилища царей, была чертою чисто тористскою (говоря в английском смысле). Весело было воину провозглашать славу других областей, весело ему было слышать славу своего родного города, и весело было жителям Москвы в тихую летнюю ночь слышать хвалу всей России. Это было не упражнение в отечественной географии, но голос народа, обнимающего своею любовью и уважением весь великий собор своих городов»²⁵.

Соборность предполагает в идеале единство как можно большего множества. Славянофилы и стремились к этому. К. Аксаков с горечью констатировал, что в середине XIX века созвать Земской Собор не удастся, поскольку после петровских реформ четыре основных сословия русской жизни — дворяне, купцы, мещане, крестьяне — очень далеки друг от друга. Тем более страстно он хотел видеть единство русского мира в допетровское время. Но во времена Междоусобицы русский мир тоже не являл единого целого. Да, был порыв к равенству сословий. Такой страстный призыв к всесословному единству, к целостности русского мира прозвучал в знаменитом монологе Ляпунова в IX явлении 2-го действия: «— Пусть один боярин — при нем его боярство; пусть другой воин — при нем его воинство; пусть еще третий земледел — при нем его земледелие. Да ведь сегодня он земледел, а завтра боярин; а боярин завтра земледел. Это все как случится, и как приведется, и какой талант, и что Бог даст; а непременно и вечное то, что все мы, сколько нас ни есть, все братья, православные христиане и русские люди» (с. 70). Скажем, сам народ не только обращается на «ты» к боярам, князьям, не

только упрекает их в шатаниях, но и с высоты своего морального превосходства, обусловленного подлинным патриотизмом и болью за русскую землю, объявляет их чужими: «Пойдемте, братья, они нам чужие пока; у нас с ними нет общего дела. Они на наш совет не годятся» (с. 11).

В конце пьесы эти бояре — Куракин, Мстиславский, Шереметев — будут возвращены в русский мир, их покаяние будет принято. Но навсегда выпадают из русского мира Салтыков, думные дяки — Андронов и Грамотин, предавшиеся Польше по духу. Андронов демонстративно красуется в польской одежде; их речь испещрена полонизмами, чего нельзя сказать о речи даже главного поляка в произведении Гонсевского, являющего тут враждебное русскому католическое, иезуитское начало.

Как ни парадоксально, из русского хора выпадают казачьи голоса. В пятом явлении пятого действия показан стан Трубецкого накануне решающего сражения за освобождение Москвы.

Третий казак. *Семка, что ты, не трогай; это народ добрый; они за нас посеют, за нас спахнут, за нас сожнут, а наша братья сожгут (хохот).*

Четвертый казак. *За нас наживутся, за нас разбогатеют, а мы возьмем (новый хохот).*

Пятый казак. *Они построят, а мы разорим (новый хохот).*

Шестой казак. *Они на нас работники (новый хохот).*

Седьмой казак. *Эх, казацкая сабля, пануй себе! (с. 176–177).*

Вообще, в пьесе казаки идут в одном ряду с прямыми противниками: «С какой стороны не обернись, везде беда: везде на тебя казаки, ляхи, немцы, свои воры» (с. 101). Поведение казаков дис-

сонирует с общим настроением русского люда. Они выпадают из русского мира. Известно, что русский человек перед решающим сражением всегда тих, самоуглублен, сосредоточен, казаки же предаются азартным играм, пьянствуют, поют песни, унижающие народ, то есть Аксаков как бы отказывает им в русскости.

В чем же дело? Как объяснить этот факт? Скажем, в одноименной повести Л. Толстого писатель, напротив, видел в казаках своеобразное выражение русского национального характера, едва ли не идеальный вариант его развития. Дело, пожалуй, в том, что склонность к бунту, мятежность, никак не вписывались в концепцию русского национального характера К. Аксакова. Это в свое время было еще отмечено Н. Бердяевым: «Славянофилы выразили не все черты русского и славянского характера. Так русско-славянский бунт и мятежность, очень глубокие, религиозные, национальные черты, почти не отразились на славянофильстве»²⁶. (Здесь же Бердяев отмечает еще одну черту русского характера, упущенную славянофилами, но очень значимую для Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьева. Л. Толстого, — странничество.)

Однако К. Аксаков, пусть и не в таких ярких картинах, но предварил многие принципиально важные мотивы исканий Л. Н. Толстого. Рассмотрим и следующий мотив. И у К. Аксакова, и у Л. Толстого в русский мир могут включаться не только русские по происхождению люди. Еще Хомяков писал, что «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен, финнов прибалтийских, приволжских татар, сибирских тунгузов, бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от русского народа (то есть человека Великой, Малой, Белой Руси). Остальные должны с ним слиться вполне: разумные, если поймут

эту необходимость; великие, если соедятся с этой великою личностью; ничтожные, если вздумают удерживать свою мелкую самобытность»²⁷. О том же принципиальном условии подчинения русскому духу говорил и К. Аксаков в письме к А. И. Попову: «Но не иначе как в Россию и через Россию понимаю я славян, пусть они примкнут к ней, как единственной славянской державе; пусть внесут в нее свои элементы органические, подчинив их русскому духу. А в России для всех довольно места. Размер ее так широк, организм так могуществен, что она не боится вмещения различных племен, не боится оставлять свободными все их обычаи, сохранять их физиономию; в ней нет направления сглаживать разные самостоятельности народов и стран»²⁸.

Несколько лет непосредственного общения народа, особенно во время Смуты, парадоксально, и вместе с тем естественно, дедемонизировали фигуру иностранца в России. Формируется известная этническая толерантность. Ее элементы увидел К. Аксаков в процессе работы над историческими документами: «...и в то же время то же святое учение научило русский народ, — эту изначально добрую почву слова Божия, — на всякого человека смотреть как на ближнего. Посмотрите на время Междуцарствия, когда действовал народ, перечтите эти бесценные грамоты, в которых столько простоты, тихой, искренней, непобедимой силы, сколько чистоты и святости. В начале грамоты говорится обыкновенно, от кого писана она, пере-

числяются все сословия, все русские люди, и с ними тут же и «немцы и литва», и это не один раз. И теперь ни к немцам, ни к полякам, в простом народе нет никакой ненависти»²⁹.

В своей исторической драме К. Аксаков уже в перечне действующих лиц стремится соблюсти дух русских грамот. После перечисления основных действующих лиц следуют сословия: бояре, купцы, стрельцы, ратные и всякие люди московского государства, а за ними идут «поляки, иностранцы и проч.» В саму же пьесу он включает подлинную грамоту, как заявляется об этом в примечании самого автора, где казанские люди общаются нижегородцам о своей готовности поддержать их инициативу. И здесь среди авторов письма перечисляются: «...и князья, и мурзы, и служилые новокрещены, и татаровья, и чуваша, и черемиса, и вотяки...» (с. 93).

Как видно, по мнению К. Аксакова, в общерусском хоре на равных могут участвовать и российские иноплеменники. Они не только участвуют, но и защищают общерусские ценности. Так, еще за 1,5 десятилетия до появления «Войны и мира» К. Аксаков утверждал возможность приобщения к русскому миру и людей не русских по своему происхождению. И так же, как и Л. Толстой, К. Аксаков исключал из русского мира этнических русских, но выпавших из общерусского хора. Однако и К. Аксаков, и Л. Толстой здесь просто следовали духу устного народного творчества, древнерусской литературы, и потому многое угадывали в русском человеке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. Аксаков в письме к А. Н. Попову сообщал о своей пьесе: «Моя драма — вполне русская». Цит. по: *Карушева М. Ю.* Славянофильская драма. Архангельск, 1995. С. 175.

² Литературное наследие. М., 1979. Т. 90. Кн. 4. С. 36.

³ *Карушева М. Ю.* Указ. изд. С. 175.

⁴ *Константин Сергеевич Аксаков.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1861. Т. 1. С. 18.

-
- ⁵ Там же. С. 19.
- ⁶ Там же. С. 278–279.
- ⁷ Аксаков К. С. Освобождение Москвы в 1612 году. М., 1848. С. 1. (В дальнейшем все ссылки на это издание будут даваться в тексте.)
- ⁸ Ранние славянофилы. М., 1910. С. 112–113.
- ⁹ Письма К. С. Аксакова к Н. В. Гоголю // Русский архив. 1890. Ч. 1. С. 160.
- ¹⁰ Карушева М. Ю. Указ. изд. С. 181.
- ¹¹ Ранние славянофилы. Указ. изд. С. 110.
- ¹² Константин Сергеевич Аксаков. Указ. изд. Т. 1. С. 20. Это было коренное убеждение К. Аксакова. И в другой, неопубликованной статье «Россия и Запад» он полагает, что духовные сокровища народа — терпение, простота, смирение. См. об этом: Анненкова Е. И. Аксаковы. СПб., 1998. С. 125.
- ¹³ Константин Сергеевич Аксаков. Указ. изд. Т. 1. С. 313.
- ¹⁴ Там же. С. 9.
- ¹⁵ Бродский Н. А. Славянофилы и их учение // Ранние славянофилы. М., 1910. С. LII–LIII.
- ¹⁶ Анненкова Е. И. Указ. изд. С. 127.
- ¹⁷ Константин Сергеевич Аксаков. Указ. изд. Т. 1. С. 19.
- ¹⁸ Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная государю императору Александру II в 1855 году // Ранние славянофилы. С. 78–80.
- ¹⁹ Константин Сергеевич Аксаков. Указ. изд. Т. 1. С. 279.
- ²⁰ Там же. С. 55.
- ²¹ Там же. С. 291–292.
- ²² Там же. С. 292.
- ²³ Благова Т. И. Родоначальники славянофильства А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М., 1995. С. 68–69.
- ²⁴ Стихотворения Константина Сергеевича Аксакова. М., 1909. С. 13–14.
- ²⁵ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. С. 131–132.
- ²⁶ Бердяев Н. А. А. С. Хомяков. М., 1912. С. 245.
- ²⁷ Хомяков А. С. Указ. изд. Т. 1. С. 27.
- ²⁸ Цит. по: Анненкова Е. И. Аксаковы. С. 244.
- ²⁹ Константин Сергеевич Аксаков. Указ. изд. Т. 1. С. 42–43.

I. Yunusov

**NATIONAL CHARACTER IN THE K. S. AKSAKOV'S PLAY
LIBERATION OF MOSCOW IN 1612**

A special approach of K. S. Aksakov to the history of the Russian people is considered. This approach is based on the ideas of slavonophiles and it is reflected in his play.